

Помню, несексуально назидая Ирину, рассказывала мне о странной закономерности: мол, всякий раз, когда снится Олег Табаков, первый учитель-отец-наставник, следует ждать неприятностей. Интересно, кто сегодня является к Алексимовой в вещих снах?

АНДРЕЙ ВАНДЕНКО

Давно живу без Табакова

— Олег Павлович давно в снах не беспокоил, Ирина?
— Уже и позабыла, когда это было.

— Сие обстоятельство к добру? — Право, не знаю... Табаков ушел из моей жизни, отодвинулся на задний план. Мы не виделись со дня похорон Олега Ефремова. Тогда нежно поцеловались, прощались... После этого прошел год. Тишина. Правда, слышала, будто Олег Павлович ходил в суд и выступал там против моего восстановления во МХАТе. Вы же, очевидно, в курсе истории с нашим увольнением? (Для тех, кто не в теме: в 97-м году Алесксимова возглавила профсоюз актеров театра, который и принял предложенный дирекцией проект нового устава МХАТа Чехова. Бунтовщиков уволили вопреки возражениям тогдашнего худрука Олега Ефремова. — А.В.) Словом, не понимаю, что происходит. Не могу сказать, будто меня все это так уж мучит, но где-то в глубине есть болевая точка, она саднит. Как ни крути, Олег Павлович — мой педагог, мастер... Я училась на курсе у Табакова в школе-студии, студенткой играла у него в «Табакерке», потом работала во МХАТе, и мы даже выходили вместе на сцену в «Горе от ума». Внешне все было замечательно, мило...

— А вы не пробовали искать женщину?
— Женщину?
— Ну да, по совету французов. Я сейчас говорю о вполне конкретной женщине. Зудина ее фамилия.

— Неужели у вас не возникает желания объясниться, расставить точки?

— Порой хотелось крикнуть: катись все к черту, почему бы мне не прийти к учителю и не поговорить откровенно? С другой стороны, я давно живу без Табакова и не считаю, будто своей работой, игрой позорю его имя.

— Если бы все упиралось в одного Табакова! Вы ведь не только учителя потеряли, а и Художественный театр, в котором прослужили одиннадцать лет.

— Со смертью Ефремова МХАТ закончился. Во всяком случае, для меня. Я остро поняла это на похоронах Олега Николаевича.

— Больше вы не приходили в театр?

— Честно говоря, боюсь переступить этот порог. Когда меня выперли, думала, что сойду с ума, умру от боли. Куда я без МХАТа? Дней десять стороной объезжала район, где расположен театр, а потом случайно увидела афишу со знакомыми названиями спектаклей, и... сердце не остановилось. Оказалось, и с этой болью можно жить. Со временем острота стала притупляться, пропадать. Хотя... Минувшей осенью мне пришлось зайти в театр: нужно было занести в дирекцию решение суда о восстановлении нас на работе...

— Так вы выиграли дело?
— Да, формально я числюсь актрисой МХАТа, трудовая книжка лежит там.

— И зарплату получаете?
— Ну что вы! Признаться, я вообще не хотела связываться с этими судебными разбирательствами. Считала унизительным доказывать где-то свою правоту. Раз уволили, значит, так тому и быть. У меня есть гордость. Но я же не одна, вместе со мной выгнали еще четверых. Ребята настояли: Ира, ты

должна идти до конца. Поэтому и в театр с судебным постановлением они меня отправили...

Я старалась прощмыгнуть незамеченной, хотела оставить бумажку и убежать. Но дирекцию переселили, и мне пришлось идти через сцену, а там в это время репетировали «Дядю Ваню», в котором я когда-то играла... На улицу вышла с зареванными глазами, долго не могла успокоиться. С одной стороны, меня вроде бы ничто не должно уже волновать, с другой — я sentimentalный человек. Хорошо ли, плохо ли, но на сцене МХАТа я сыграла кучу замечательных ролей, о которых можно только мечтать. Разве такое забудешь?

— А кто, извините, кроме вас, помнит эти роли? Большинство из них так и остались незамеченными.

— Наверное, я попала во время, когда зрители перестали ходить в театры, а может, моя игра не трогала зал и критику. В любом случае, были великие мастера сцены, гениальные артисты, изумительные партнеры, но человек, за которым можно идти как за режиссером, встретился впервые.

— Викток кричит на вас на репетициях?

— Как и на всех. Господи, да пусть он орет на меня в триста раз громче, все равно буду беспрекословно ему подчиняться. Кажется, нашла то, что искала...
— Вы видели первую версию «Декамерона», где главную роль играла Татьяна Догилева?
— Только на видеокассете.

— Наверняка найдутся добрые люди, которые скажут: «Ну конечно, она же сейчас активно сотрудничает с Виктоком, вот и выслуживается».

— Поверьте, не стану я так мелко льстить и подлизываться. Не в моем это стиле. Конечно, театр — моя профессия, я должна чем-то жить, где-то работать. Глупо сидеть и ломать руки: ах, Ефремов умер, ах, Табаков меня не любил! Но это не значит, будто я уцепилась за Виктюка как за соломинку. Еще когда работала во МХАТе и не допускала мысли, что уйду оттуда, внимательно присматривалась к Роману Григорьевичу. Он пытался ставить в Художественном театре «Молочный фургон», я ходила на его репетиции и думала: хорошо бы у него сыграть. Столкнулись же мы только сейчас, на «Декамероне».

Наверное, говорю крамольные вещи, но лишь теперь поняла, что в моей жизни не было режиссера. Были великие мастера сцены, гениальные артисты, изумительные партнеры, но человек, за которым можно идти как за режиссером, встретился впервые.

— Викток кричит на вас на репетициях?

— Как и на всех. Господи, да пусть он орет на меня в триста раз громче, все равно буду беспрекословно ему подчиняться. Кажется, нашла то, что искала...
— Вы видели первую версию «Декамерона», где главную роль играла Татьяна Догилева?
— Только на видеокассете.

Тот спектакль ведь играли много лет назад...

— А Догилева приходила посмотреть на вашу работу?

— Она была на премьере.

— И как?

— Тая — умная, воспитанная женщина, хорошая актриса... На банкете после спектакля подошла ко мне, поздравила, но не думаю, что ей понравилась моя игра. Во всяком случае, мне едва ли пришлось бы по вкусу, если бы через полтора десятка лет какая-то артистка играла мою роль.

Впрочем, это нормальная актерская ревность. Когда я была беременна и вместо меня во МХАТе ввели в спектакль другую исполнительницу, думала, что умом тронусь. Сидела в зале и тихо думала: не могла смотреть на сцену, но и не смотреть не могла. Поверьте, в тот момент у меня внутри все буквально перевернулось...

— У вашего «Декамерона» будет продолжение?

— Сейчас мы репетируем «Анну Каренину». Премьера намечена на осень. Еще один проект Романа Григорьевича, где мне отведена главная роль — «Кармен».

— Виктока на классику потянуло?

— Уверю, это будут вполне современные спектакли.
— А в кино что нового слышно?

— Тут, уввы, говорить по-прежнему не о чем. До сего дня не случилось работы, о которой можно сказать: я это сыграла. Сериалы

ноты картины, и он его, мазок, нанес. «Лимита»? После фильма ко мне приклеился образ деловой женщины-вамп. Но не я это образ создала, а Денис Евстигнеев его слепил. Была еще «Бездна, круг сельмой». Средняя актерская работа, но из-за нее хотя бы краснеть не приходилось. А есть фильмы, которые видеть не могу. Стыдно — за себя, за всех артистов...

— Поэтому и Америку не упоминаете?

— «Святого» Филиппа Нойса? Мы, дураки, рассматривали это как шанс прорваться в Голливуд, а нас там и не заметили. Впрочем, иллюзорная надежда поймать удачу за хвост все же была, но я все испортила излишней старательностью. Никогда не считала себя чересчур прилежной актрисой, а тут так хотела понравиться, так из кожи вон лезла, что с позором облажалась, сыграла даже хуже, чем могла. Зажим был страшный, в итоге в фильме от меня ничего не осталось.

— Но вы же еще снимались в «Анне Карениной» у Годара.

— Ничего не могу сказать об этом. Не видела фильм даже на кассете, хотя деньги за роль получила. К слову, невероятные по тем временам бабки.

— Это сколько же?

— Сейчас вспомню. В 93-м году я неделю провела в Париже, каждый день получая по 150 долларов суточных. Плюс триста или пятьсот баксов гонорара в конце. Тогда это казалось астрономической цифрой.

— Мы каждый раз подолгу разговариваем с мамой об этом. Теперь у меня уже есть новая квартира в центре, но мама не едет. Главным образом ее держит материальная независимость.

— А как же удалось обрести в Америке?
— Статус беженца гарантирует безбедное существование. Относительно безбедное, конечно. Во всяком случае, этого хватало на

мне советовали этого не делать: мол, пьеса не для семилетней девочки. Ни фига подобного! Даша все поняла — на уровне ощущения. Правда, когда мы вышли из театра, первым делом спросила: «Мама, а что такое палла?» Дочь удивительно много запомнила и потом цитировала мне огромные куски текста — и мои, и других персонажей. Но важнее даже не это, а то, что я смогла показать

блиц-анкета
Кем хотели стать в детстве — артисткой оперетты
Что нравится в людях — искренность
Что не нравится — не люблю, когда люди себя жалеют
Наибольшая удача в жизни — дочь
Наибольшая неудача — надеюсь, мне удастся ее избежать

аренду жилья, еду и даже на авиабилеты в Россию — время от времени мама навещает нас с Дашей в Москве.

Мама и в Штатах говорит только по-русски

— Светлана Яковлевна нигде не работает?

— Периодически подрабатывает, аккомпанируя на эмигрантских концертах.

— А язык знает?

— Понимает, но стесняется говорить по-английски. Мама живет в Бруклине и общается

Даше, как работаю на сцене. Она плакала в конце спектакля. Это очень дорого для меня, поверьте. Так получилось, что, пока мы жили с Валерой, разговоры в семье шли по большей части о его ролях и работах. У мамы всегда все было хорошо. Однажды лочка выдала: «Ты, мама, богатая и известная артистка». И сегодня Даша внимательно следит за папиными успехами, за «Буржуем», за американскими проектами. Я это приветствую, но мне обидно быть только мамой, существом, которое поит и кормит. Вот и потащила Дашу на «Декамерон».

— А чем плохо, если ребенок считает маму богатой и знаменитой?
— Это прекрасно! Более того, я никогда не показывала дочери, что у меня нет денег, ни в чем ей не отказывала. При этом не забудьте: я лишь полгода прожила в состоянии относительного комфорта и благополучия. А до этого бывало всякое. Нужда мне хорошо знакома. Я всегда сама зарабатывала деньги, но не копила их, а тут же спускала, будучи уверенной, что смогу

перед нашими талантами. Устой. И сейчас стоит.
— А Меньшиков? Уж он-то котируется на Западе, иначе с чего бы с ним заключала рекламный контракт известная швейцарская часовая фирма?
— Вы специально задаете такие вопросы? Хотите рассорить меня со всеми коллегами? Воздержитесь от комментариев по поводу меньшевиковского контракта... Нет, я не пытаюсь кого-то обидеть или принизить, в конце концов, каждый сам выбирает путь в жизни. Речь о другом: не нужно строить иллюзий относительно Запады. Пустое! На этом фоне меня особенно умиляет отечественная мнере всех называть звездами. Во всяком случае, подобные претензии у представителей моего поколения, артистов в возрасте от 30 до 43, абсолютно беспочвенны. Убейте, но не соглашусь, что Иннокентий Смоктуновский или Евгений Леонов могут носить одно звание с... назовите любого моего ровесника. Разновеликие фигуры, несоизмеримые понятия... Может, таланты мельчают или требования снижаются, но не надо именовать меня звездой за роль в «Дне рождения Буржуя». Это стыдно, неприлично. Правду говорю, не кокетничаю.

— Полагаете, перевелись богатыри?

— Я вправе оценивать свое поколение. Хотя, слава Богу, имена есть. Тот же Олег Табаков, к примеру, или Михаил Ульянов. На Западе? Гарри Олдмен, по-моему, абсолютное состоятельный человек. То, что он снимается во второсортных боевиках, ничего не значит. Я видела другие его работы. Или, допустим, Джон Малкович. Выдающийся актер! Пожалуй, современная английская театральная школа все же ласт фору американской.

— А как же мы с системой Станиславского?
— Посмотрите на имена сегодняшних педагогов, поинтересуйтесь, кто, к примеру, преподает в Школе-студии МХАТ.

— Кто?
— Сейчас курсы набирают известные артисты, но я не знаю, чему может научить студентов, скажем, Евгений Лазарев. Прежде лекции читали Виктор Мануков, Василий Марков, их не звали как актеров, но это были невероятные, великие педагоги. Боюсь, теперь таких нет...

— Что-то у вас критическое настроение, Ирина.

— Да, может показаться, будто я все отрицаю. Есть светлые моменты, есть! Помню, как плакала в «Табакерке» на «Смертельном номере» Машкова, как меня потряс его же «Бумбараш». После «Сибирского цирюльника» неделю не могла успокоиться, без конца рыдала. Да, слезы для меня — мерило. Раз плачу, значит, пробрало. Я сентиментальная девушка.

— Хотя выглядите железной леди.

— Так уж сложилось. Уже и не пытаюсь бороться с этим образом. В чем-то он даже помогает. С некоторых пор я вежливее общалась громким словом «продюсер» и теперь вынуждена посещать высокие кабинеты, обращаться к чиновникам и банкирам, просить деньги на постановки. Из-за имиджа бизнесвумен меня принимают даже лучше, чем должно быть на самом деле.

— Вас боится?

— Остерегаются. Мужчины.

— Это мешает?

— С мужчинами — нет, а в жизни — да. Ведь уже и моя семья воспринимает меня законанной в броню. Даже в Америку это клеймо перекочевало. Прилетаю в Нью-Йорк к 72-летней маме и 50-летнему брату и не чувствую себя младшей, слабой. На меня смотрят как на защитницу.

«Ирка приехала, и теперь все будет хорошо». Почти нет людей, которым могу сказать: «Помоги». Раньше моей стеной был Валера. Пока оставались вместе, всегда чувствовала себя хорошо и спокойно. Потом стена рухнула, и я оказалась одна. Выстояла. И слава Богу.

Ирина Алесксимова: Наддоедло быть железной

исключаем сразу, об этом и говорить не стоит.

1500 получила, а фильна даже не видела

— И о «Бурже»?
— Я видела от силы серии три.

Наверное, это получше остального «мыла», но язык не поворачивается рассуждать о «Бурже» как о серьезной работе. Знаете, в моей жизни был эпизод, когда с Валерой Николаевым, моим тогдашним мужем, мы выступили с сольными номерами в ночных клубах — танцевали степ. В театрах тогда платили копейки, а жрать хотелось, вот мы и подрабатывали. К сериалам я отношусь примерно так же. Есть желание сыграть в настоящем фильме, но и с большим кинематографом у меня любовь пока не заладилась. По сути, мне не стыдно за единственную роль, даже не за роль, а за крошечный эпизод в «Ширли-мырли»...

— Не помню.

— Я играю скрипачку из консерватории. Минутное появление на экране, но все сделано честно, без фальши. Это все, больше вспомнить нечего.
— В самом деле?
— А что? Возьмем, к примеру, «Муму». В принципе ко мне фильм не имеет никакого отношения, я была тем мазком, который Юре Грымову требовался для пол-

— А сегодня какой гонорар вы считаете пристойным?

— Когда прижмет, согласишься сниматься за любые деньги. Правда, последние полгода я жила нормально, у меня отпала острая необходимость самостоятельно зарабатывать на хлеб насушный.

— Нашли кормильца?

— Именно так и думала. Показалось, что отныне личная жизнь круто изменится.

— Ошибочка вышла?

— Я же ответила: мне показалось...

— Но те полгода все равно даром не прошли.

— В каком смысле?

— Жизнь изменить не удалось, так хоть место прописки поменяли: с Автозаводской переебрались в самый центр, на Маросейку.

— Эти два события никак не связаны. Квартира моя. Я пробила ее много лет и получила, что называется, за заслуги перед отечеством.

— И то, что у Дашы появилась няня, вы не склонны объяснять изменениями в социальном положении?

— Нет, конечно. Няня у дочки была и когда я в буквальном смысле нищенствовала. Для нас няня — не роскошь, а способ существования. Ведь Дашина бабушка, моя мама, живет в Нью-Йорке, другой родни, с которой можно было бы оставить ребенка, у меня нет.

— Светлана Яковлевна, надо понимать, осела в Штатах всерьез и надолго? А вы ведь, помните, говорили, что она собирается возвращаться в Россию.

только с бывшими соотечественниками.

— Это та самая эмиграция, которую называют «колбасной»?

— Именно... Знаете, Бруклин, Брайтон, диаспора, там осевшая, — это такая тема... Они с утра до вечера сидят перед телевизорами, смотря российские каналы и читают газету «Курьер», перепечатывающую материалы из московских изданий. Они живут Россией и при этом не устают рассуждать: «Да разве ж у них в Союзе жизнь? Вот у нас, в Америке...»

— А как Светлана Яковлевна угодила в беженцы?

— Мы с Валерой тогда снимались в «Святом», и мама побоялась, что мы не вернемся и она одна останется в России. Плюс то, что мама еврейка. Этого оказалось достаточно для получения вида на жительство... Мама в США уже четыре года. Впрочем, повторяю, она часто прилетает в Москву. А сейчас я отвезла Дашу в Нью-Йорк. Погостит на месяц.

— Сколько лет дочке?
— Семь. Закончила первый класс.

— Слышал, Даша занимается танцами у Гедиминоса Таранцы?

— Да, ей очень нравится. Однажды даже выходила на сцену в балете «Шелкунчик».

— Вы были на премьере?
— Спрашиваете! Конечно! Стояла за кулисами, переживала...

— А Даша на ваши спектакли ходит?

— Когда работала во МХАТе, порой таскала ее за собой. Сейчас беру реже. Все-таки теперь дочка — школьница, надо режим дня соблюдать. Но на «Декамерон» все же сводила, хотя

найти новую работу. Знала: в крайнем случае могу пойти и в официантку.

— Зачем вы говорите то, чего не будет?

— Надеюсь, не будет, но морально я к этому готова. И پولы в подвездах соглашусь мыть, и подносы носить, но не стану сидеть и скулить, что нечем кормить речтывающую материалу из московских изданий. Они живут Россией и при этом не устают рассуждать: «Да разве ж у них в Союзе жизнь? Вот у нас, в Америке...»

— А в каких кругах вы известны?

— Например, на Брайтоне меня встречают как национальную героиню. Я же говорила: там смотрят только российское телевидение, а значит, и «Буржуя»... Правда, многие не знают имени и реагируют на знакомое лицо. Я, что называется, примелькалась.

Мужчины меня остерегаются

— Кстати, о лицах. Как поживает ваше актерское агентство?

— Оно уже пару лет существует без меня. Я оттуда ушла.

— Эксперимент по продвижению российских актеров на Запад, надо полагать, не удался?

— Увы. Никому мы там не нужны. Никто.

— Но Машков вроде бы успешно снимается в Голливуде.

— Я желаю всяческих благ Володе, мы с ним учились на одном курсе, сохраняем прекрасные отношения, но... Словом, не хотелось бы, чтобы Машков повторял чужие ошибки. Мы с Валерой Николаевым тоже свято верили, будто Голливуд рухнет на колени

04.09.14) 3 910